

Предисловие переводчика

«Крысиха» — один из самых мрачных и сложных романов Гюнтера Грасса. Это своего рода воззвание к человечеству, призыв задуматься о том, какими путями оно ведет себя к полному саморазрушению. В характерной для писателя гротескно-сатирической манере изложения, где фантастические элементы вырастают из реалистических наблюдений, Грасс представляет гнетущую картину мира после Большого взрыва — так в романе именуется глобальная катастрофа. Единственной выжившей в этом изменившемся до неузнаваемости мире оказывается говорящая крыса, являющаяся во сне рассказчику, в образе которого легко узнать самого автора, и ведущая с ним драматичный и довольно сумбурный диалог о причинах и последствиях произошедшего.

Этот роман занимает важное место в корпусе текстов Грасса: в нем сходятся разные линии его творчества. Читатели, знакомые с более ранними произведениями писателя, встретят здесь уже известных им персонажей. Так, на страницах романа вновь появляются Оскар Мацерат из «Жестяного барабана», теперь уже пожилой человек, занятый производством видеофильмов, и его прежний спутник по лечебнице, санитар Бруно — его фигура и здесь характеризуется тихим безумием и наблюдательностью. Не обойдется и без Анны Коляйчек, воплощающей в себе матриархальные корни и неистребимую жизненную силу кашубской бабушки Оскара: в «Крысихе» она предстает в новом, трагическом свете на фоне всеобщего упадка. Кашубское происхождение Анны,

как и самого Грасса, чьи предки также были кашубами, — не просто биографическая деталь. Оно указывает на влияние кашубского фольклора, мотивы которого помогают автору раскрыть связь человека с землей и народной памятью.

Эти отсылки вплетают «Крысиху» в сложную ткань «данцигской мифологии» Грасса, где соединяются судьбы разных людей, история и вымысел. В его произведениях Данциг (ныне Гданьск) становится символической ареной для осмысления немецко-польских отношений, трагедий XX века, включая нацистские преступления и Вторую мировую войну, а также тем памяти, вины и идентичности. Однако если в «Жестяном барабане» родной город писателя служил пространством для исследования прошлого и истоков нацизма через восприятие Оскара, то в «Крысихе» отголоски этого прошлого служат фоном, на котором разворачивается апокалипсис.

Роман также соотносится с другим монументальным произведением Грасса — «Палтусом» (*Der Butt*, 1977). Если «Палтус» предлагал масштабное, хотя и неоднозначное повествование об истории человечества через призму отношений полов и культуры еды, критически исследуя структуры патриархата, то «Крысиха» доводит эту критику до финальных выводов. Следует отметить, что в русском переводе название романа *Der Butt* передается как «Палтус», а не «Камбала» (возможны оба варианта), то есть сохраняется мужской род немецкого существительного. Грасс сознательно наделил этот образ-символ мужским началом, противопоставляя его женским фигурам романа, и сохранение гендерной характеристики важно для понимания авторского замысла. В «Палтусе» говорящая рыба, символ мужского начала и исторического доминирования, вела продолжительный спор с женщинами, стремившимися переосмыслить историю. Патриархальная система, построенная на подавлении, эксплуатации природы и конфликтах, представляла как одна из движущих сил

истории. В «Крысихе» же мы видим итог такого «прогресса»: мир сталкивается с последствиями действия тех сил, что подробно исследовались в «Палтусе». Стремление к господству и контролю, ассоциируемое с патриархальными структурами, и его возможное разрушительное воздействие на природу и общество показаны здесь с большой силой. В сбивчивых словах крысихи содержится критическая оценка пройденного человечеством пути, который из-за безграничных людских амбиций и веры в собственное всемогущество завершается катастрофой.

Этот роман не предложит вам утешительных иллюзий, но заставит глубоко задуматься. Его многослойный мир требует вдумчивого погружения, готовности услышать неудобную правду о мифах, связанных с прогрессом, и той цене, которую мы платим за разрыв с природой. Голос крысихи, звучащий будто из руин будущего, призывает к нашей общей ответственности, поэтому чтение этой книги — не просто знакомство с текстом Грасса, но и призыв к серьезной внутренней работе. Роман намеренно оставляет читателя с нерешенными вопросами, и в этом его особая ценность: он будит мысль, не позволяет успокаиваться и напоминает о хрупкости всего, что нам дорого.

Юлия Полещук

ПЕРВАЯ ГЛАВА, в которой исполняется желание, в Ноевом ковчеге не находится места крысам, от людей остается лишь мусор, название корабля часто меняется, динозавры вымирают, появляется старый знакомый, приходит открытка с приглашением отправиться в Польшу, практикуется хождение на двух ногах, а вязальные спицы энергично стучат.

На Рождество я попросил подарить мне крысу в надежде найти вдохновляющие слова для стихотворения о воспитании человеческого рода. На самом деле мне хотелось написать о море, о моей балтийской луже; но желание обзавестись животным победило. Оно было исполнено. Под рождественской елкой я, к своему удивлению, обнаружил крысу.

Не отодвинутая в сторону, нет, прикрытая еловыми ветками, гармонирующая с низко висящими елочными украшениями, вместо яслей со знакомыми персонажами там нашла себе место проволочная клетка, скорее длинная, чем широкая; ее решетка была выкрашена в белый, а внутри находились деревянный домик, бутылочка для кормления и кормушка. Подарок занял свое место как нечто само собой разумеющееся, как будто не существовало никаких предубеждений, как будто этот рождественский подарок был естественным: крыса под елкой.

Лишь умеренное любопытство, когда зашелестела бумага. Крыса суетливо шуршала на подстилке из кудрявой стружки. Когда она после короткого прыжка затихла на крыше домика, золотистый шар отразил игру ее усиков. С самого начала поражало, насколько гол ее длинный хвост и что у нее пять пальцев, как у человека.

Чистоплотное животное. Тут и там: совсем немного крысиного помета длиной с ноготь мизинца. Запах Сочельника, изготовленный по старинному рецепту — в него входили

свечной воск, аромат хвои, немного смущения и медовый пряник, — заглушал неприятные запахи зверушки, купленной у заводчика змей в Гиссене, который разводил крыс на корм для змей.

Несомненно, удивили и другие подарки: полезные и ненужные, расставленные слева и справа. Дарить подарки становится все сложнее и сложнее. У кого еще осталось для них свободное место? О, какое несчастье — не знать, чего еще пожелать. Все сбылось. Чего нам не хватает, говорим мы, так это недостатка, мы словно бы хотим сделать *его* предметом нашего желания. И продолжаем немилосердно дарить подарки. Никто больше не знает, что, когда и по чьему благоволению ему досталось. Я был сытым и нуждающимся, когда на вопрос о моих пожеланиях ответил, что хочу на Рождество крысу.

Конечно, меня подняли на смех. Вопросы не заставили себя ждать: в твоём возрасте? Это необходимо? Только потому, что сейчас такая мода? Почему не ворону? Или как в прошлом году: стеклянную посуду ручной работы? Ладно, желание есть желание.

Это должна быть самка. Но, пожалуйста, не белая с красными глазами, никаких лабораторных крыс, вроде тех, которые используются в компаниях Schering и Bayer-Leverkusen.

Но будет ли серо-коричневая крыса, вульгарно называемая канализационной, в наличии и доступна для покупки?

В зоомагазинах обычно продают грызунов, у которых нет дурной репутации, которые не вошли в поговорки и о которых не написано ничего плохого.

Лишь незадолго до четвертого воскресенья Адвента пришли новости из Гиссена. Сын торговки домашними животными с традиционным ассортиментом ехал на север через Итцехо к своей невесте и любезно доставил желаемый экземпляр; клетка вполне подошла бы для золотистого хомячка.

Я почти забыл о своем желании, когда в канун Рождества, к своему удивлению, обнаружил самку крысы в её клетке.

Я заговорил с ней, глупо. Позже были распакованы подаренные грампластинки. Помазок для бритья вызвал смех. Немало книг, в том числе об острове Узедом. Дети довольны. Щелканье орехов, оберточная бумага убрана. Алые и цинково-зеленые ленточки, концы которых должны быть закручены, решили сохранить — только ничего не выбрасывайте! — в свернутом виде для повторного использования.

Тапочки на подкладке. И еще это, и то. И подарок, который я завернул в папиросную бумагу для любимой, подарившей мне крысу: раскрашенная вручную карта с изображением Винеты, затонувшего города у побережья Померании. Несмотря на пятно плесени и надрыв сбоку — красивая графюра.

Сгорающие до конца свечи, сплоченный семейный круг, с трудом переносимая атмосфера, торжественный ужин. На следующий день первые гости называли крысу милой.

Моя рождественская крыса. Как еще мне ее называть. В тонких розовых пальчиках она держит очищенные орехи, миндаль или специальный корм. Оберегая поначалу кончики моих пальцев, я принимаюсь ее баловать: изюмом, кусочками сыра, яичным желтком.

Она садится рядом со мной. Ее усики чувствуют меня. Она играет с моими страхами, которые ей удобны. Поэтому я говорю, чтобы противостоять им. Пока еще планы, в которых крысы не учитываются, как будто что-либо в будущем может происходить без них, как будто, едва море осмеливается на небольшие волны, лес погибает из-за людей или, быть может, горбатый человечек отправляется в путешествие, крысы может не быть.

В последнее время она мне снится: школьное барахло, неудовлетворенность плоти, все, что подсовывает сон, — события, в которые я замешан по пробуждении; мои сны наяву, мои ночные грезы — отмеченный ею участок. Нет путаницы,

в которую бы она не привнесла свой голохвостый облик. Она везде оставила пахучие метки. То, что я выдвигаю — ложь величиной со шкаф, двойное дно, — она прогрызает. Ее непрерывная работа зубов, ее всезнайство. Теперь говорю не я, она убеждает меня.

Конец! говорит она. Когда-то вы были. Вы были, запомнились как заблуждение. Вы больше никогда не будете назначать даты. Все перспективы аннулированы. Вы обосрались. И притом полностью. Давно пора!

В будущем только крысы. Поначалу немного, поскольку почти все живое погибло, но крыса уже повествовательно размножается, сообщая о нашем конце. Иногда она пищит с сожалением, словно хочет научить крысят оплакивать нас, иногда глумится на крысином языке, как будто ненависть к нам никуда не делась: пропали вы, пропали!

Но я возражаю: Нет, крысиха, нет! Нас все еще много. В новостях вовремя сообщают о наших деяниях. Мы стряпаем планы, которые сулят успех. По меньшей мере в среднесрочной перспективе мы все еще будем тут. Даже тот горбатый человечек, который вновь хочет вмешаться в разговор, сказал недавно, когда я хотел спуститься по лестнице в погреб, чтобы проверить состояние зимних яблок: Может быть, с людьми все кончено, но в итоге только нам решать, когда прикрыть лавочку.

Истории крысы! Как много она знает. Крысы существуют не только в более теплых климатических поясах, но даже в иглу эскимосов. Крысам удалось вместе со ссыльными заселить Сибирь. В компании полярных исследователей корабельные крысы открыли Арктику и Антарктику. Никакая глушь не была для них чересчур негостеприимной. Они шли за караванами по пустыне Гоби. Вслед за благочестивыми паломниками они отправлялись в Мекку и Иерусалим. Видели, как крысы бродят бок о бок с народами-переселенцами. С готами они двинулись к Черному морю,

с Александром — в Индию, с Ганнибалом — через Альпы, преданные вандалам — в Рим. С войском Наполеона — в Москву и обратно. Также крысы пробежали, не замочив ног, через Красное море вместе с Моисеем и народом Израиля, чтобы в пустыне Син отведать манны небесной; отбросов с самого начала было достаточно.

Вот как много знает моя крысиха. Она кричит, и гулко разносится: В начале был запрет! Ибо когда Бог человеческий громыхал: *Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни**, нам категорически запретили подниматься на борт. Для нас не было входа, когда Ной превратил свой ковчег в зоопарк, хотя его вечно карающий Бог, благодаря которому он обрел благодать, ясно указал свыше: *И всякого скота чистого возьми по семи, мужского пола и женского, а из скота нечистого по два, мужского пола и женского; ибо чрез семь дней Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли.* Я раскаялся, что создал их.

И Ной сделал то, что повелел ему его Бог, и взял птиц по роду их, и скотов по роду их, и всех пресмыкающихся по земле по роду их; из-за нашей природы он не хотел брать на свою посудину лишь одну пару — крыса и крысиху. Чистые или нечистые, мы не были для него ни тем, ни другим. Столь рано укоренились предрассудки. С самого начала ненависть и желание увидеть истребленными тех, от чьего вида спирает дух и подступает рвота. Врожденное отвращение человека к нашему роду помешало Ною последовать строгому слову Господа. Он отрицал нас, вычеркнул из своего списка всего, что имеет дыхание.

Тараканов и пауков-крестовиков, извивающегося червя, даже вошь и бородавчатую жабу, переливчатых навозных

* Цитаты из Библии даются в синодальном переводе и выделяются курсивом. — *Здесь и далее прим. пер.*

мух взял он по паре на свой ковчег, но не нас. Мы должны были погибнуть, как и остальное многолюдное развращенное человечество, о котором Всемогуший, этот вечно мстительный Бог, хулящий свою собственную халтуру, сказал в заключение: *Велико развращение человеков на земле, и все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время.*

После чего он вызвал дождь, ливший сорок дней и ночей, пока все не покрылось водой, которая несла ковчег с его содержимым. Но когда потоп отступил и из воды показались первые горные вершины, следом за выпущенным во роном вернулся голубь, о котором сказано: *Он возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него.* Не с одной только зеленью прилетел голубь к Ною, но и с поразительной вестью: он увидел там, где ничего больше не ползало и не летало, крысиный помет, свежий крысиный помет.

Тогда рассмеялся Бог, утомленный своей халтурой, потому что наша живучесть пересилила непослушание Ноя. Он молвил, как обычно, свыше: Отныне крыс и крысика должны быть спутниками человеков на земле и разносчиками всех обещанных бедствий...

Он предсказал еще многое сверх написанного, наслал на нас чуму и, как и подобает Всемогущему, обманным путем еще больше упрочил свое всемогущество. Он лично избавил нас от потопа. Пара нечистого рода была в безопасности на руке Господа. На божественной руке выпущенный Ноем голубь увидел свежий крысиный помет. Его лапе мы обязаны своим многочисленным потомством, потому что на ладони Бога мы родили девять детенышей, и пока вода стояла на земле сто пятьдесят дней, выводок разросся в крысиное племя; так просторна рука всемогущего Бога.

После этой речи Ной упрямо молчал и, привыкши к этому с юности, думал о зле. Но когда ковчег нашел пристанище на горе Арарат, пустынная местность вокруг уже

была захвачена нами; ибо не в руке Бога, а в подземных ходах, набив их взрослыми особями и создав в гнездовых камерах спасительные пузырьки воздуха, были мы, живучий род крыс, избежавший потопа. Мы, длиннохвостые! Мы, с чувствительными усиками! Мы, с отрастающими зубами! Мы, примечания к человеку, ширящийся комментарий к нему. Мы, несокрушимые!

Вскоре мы заселили посудину Ноя. Никакие предосторожности не помогли: его пища была и нашей. Мы размножились куда быстрее, нежели люди вокруг Ноя и избранное им зверье. Человеческий род так и не избавился от нас.

Тогда сказал Ной, притворяясь смиренным перед своим Богом и вместе с тем становясь на его место: Мое сердце ожесточилось, ибо я пренебрег словом Господним. Но по воле Всевышнего крыса выжила на земле вместе с нами. Да будет она проклята, роясь в тени нашей, где лежат отходы.

Это сбылось, сказала крысиха, которая мне снится. Где бы ни был человек, в любом месте, которое он покидал, оставался мусор. Даже когда он искал последнюю истину и шел по пятам за своим Богом, он производил мусор. Его всегда можно было опознать по мусору, хранившемуся слой за слоем, как только его раскапывали, потому что отходы человека долговечнее, чем он сам. Его переживет только мусор!

Ее голый хвост лежит то так, то эдак. Ах, как она выросла, моя милая рождественская крыса. Суетливо вперед-назад, затем снова неподвижна, за исключением дрожащих усиков, она захватывает все мои сны. Иногда она просто болтает, как будто о мире и его мелочах нужно забалтываться на крысином языке, шушукаясь на нем и передавая множество сплетен, затем она снова поучительно пищит, принимая меня в школу, читая мне привычные крысиные исторические лекции; наконец, она начинает говорить категорично, как

если бы она съела Библию Лютера, великих и малых пророков, Притчи Соломона, Плач Иеремии, равно как и апокрифы, пение мужчин в огненной печи, все псалмы и печать за печатью из Откровения Иоанна.

Воистину, вас больше нет! слышу я, как она возвещает. Как некогда мертвый Христос с вершины мироздания*, крысиха звучно говорит с горы мусора: Ничто не говорило бы о вас, не будь нас. То, что осталось от человеческого рода, мы перечисляем в память о нем. Заваленные мусором, простираются равнины, пляжный мусор, долины, в которых скапливается мусор. Синтетическая масса странствует в хлопьях, тюбики, забывшие о своем кетчупе, не гниют. Обувь, сделанная не из кожи и не из соломы, самостоятельно бежит по песку, собирается в замусоренных вымоинах, где уже ждут перчатки моряков и забавные игрушки для купания в виде зверят. Все это беспрестанно говорит о вас. Вы и ваши истории запаены в прозрачную пленку, запечатаны в пластиковые пакеты, залиты синтетической смолой, в микросхемах и коннекторах вы: некогда существовавший человеческий род.

Что еще осталось помимо этого: по вашим трассам катится, дребезжа, железный лом. Нет бумаги, чтобы ее сожрать, но драный брезент болтается на столбах, на стальных балках. Застывшая пена. Словно живое, трясется желе в лепешках. Повсюду гниют орды пустых канистр. Освободившиеся в пути от кассет видеопленки: Бунт на Кейне, Доктор Живаго, Дональд Дак, Ровно в полдень и Золотая лихорадка... То, что, развлекая вас или трогая до слез, было жизнью вдвигающихся картинках.

Ах, ваши автомобильные свалки там, где прежде можно было жить. Контейнеры и прочие товары массового производства. Ящики, которые вы называли сейфами

* Отсылка к вставной новелле из романа Жан-Поля «Зибенкээз» под названием «Мертвый Христос говорит с вершины мироздания о том, что Бога нет».

и несгораемыми шкапами, стоят раскрытые нараспашку: каждый секрет выблеван. Мы всё знаем, всё! А то, что вы хранили в протекающих бочках, забыли или неверно списали в расход, найдем мы, ваши тысячи тысяч ядовитых свалок: места, которые мы огораживаем, оставляя предостерегающие — предостерегающие нас, потому что остались только мы, — пахучие метки.

Надо признать: даже ваш мусор значителен! И мы часто изумляемся, когда бури вместе с сияющей пылью несут громоздкие детали издалека через холмы на равнины. Гляди, вот парит кровля из стекловолокна! Таким мы помним высоко забравшегося человека: все выше и выше, все круче и круче вздымается выдуманное... Гляди, как рухнул его скомканный прогресс!

И я видел то, что мне снилось, видел, как трясутся видео-пленки в пути, видел катящийся железный лом, полиэтиленовую пленку, несомую бурей, видел яд, сочащийся из бочек; и я видел ее, провозглашающую с горы мусора, что человека больше нет. Это, кричала она, ваше наследие!

Нет, крысиха, нет! кричал я. Мы все еще деятельны! В будущем назначены встречи, в налоговой инспекции, у стоматолога, например. Заранее забронированы отпускные билеты. Завтра среда, а послезавтра... Также на моем пути стоит горбатый человечек, который говорит: Должно быть записано то и это, чтобы наш конец, наступи он, был бы заранее продуман.

Мое море, что тянется к востоку
и к северу, где Хапаранда лежит.
Балтийская лужа.
Что еще исходило от ветреного острова Готланд.
Как водоросли отнимали воздух у сельди,
и у макрели, и у саргана.

То, что я хочу рассказать, могло бы,
потому что я словами хочу отсрочить конец,
начаться с медуз, которых все больше, все больше,
необозримо становится больше,
пока море, мое море,
не станет одной-единственной медузой.

Или я выпущу героев из детских книжек,
русского адмирала, шведа, Дёница и кого еще,
пока не наполнится берег обломками —
досками, судовыми журналами,
списками провизии —
и все катастрофы не будут помянуты.

Но когда в Вербное воскресенье огонь с небес
на город Любек и его церкви пал,
внутренняя штукатурка кирпичных стен горела;
высоко на леса должен теперь Мальскат, художник,
снова подняться, чтобы готика у нас
не закончилась.

Или можно рассказать, потому что не могу отказать себе
в этой красоте, об органистке из Грайфсвальда,
с ее «р», которое к берегу, как галька, прикатилось.
Она пережила, точно сосчитав,
одиннадцать священников и всегда
оставалась верна *santus firmus*.

Теперь ее имя как у дочери Вицлава.
Теперь Дамрока молчит о том,
что ей поведал палтус.
Теперь она, сидя на органной скамье, смеется
над своими одиннадцатью священниками: первый, этот чу-
дак,
родом из Саксонии...

Я приглашаю вас: ведь сто семь лет
исполняется Анне Коляйчек из Биссау близ Фирека,
что находится у Матарни.
Отметить ее день рождения студнем, грибами и пирогом
съезжаются все, ведь далеко
разрослась кашубская трава.

Те, что из-за океана: из Чикаго они приезжают.
Австралийцы выбирают самый длинный путь.
У кого на западе дела идут лучше, тот приезжает,
чтобы показать тем,
кто остался в Рамкау, Картузах, Кокошках,
насколько лучше в немецкой марке.

Пять человек с судовой имени Ленина — делегация.
Священники в черных рясах принесут благословение церкви.
Не только государственная почта,
но и Польша как государство будет представлена.
С шофером и подарками
приедет и наш господин Мацерат.

Но конец! Когда же будет конец?
Винета! Где же Винета?
Уверенно они бороздили моря, но между тем
женщины были заняты своим делом.
Только бутылки с посланием,
которые намекали на их курс.

Надежды больше нет.
Ведь с лесами,
так написано,
исчезнут и сказки.
Галстуки, обрезанные коротко под узлом.
Наконец, оставив позади Ничто, мужчины отступят.

Но когда море показало женщинам Винету,
было уже поздно. Дамрока угасла,
и Анна Коляйчек сказала: «Ну вот и все».
Ах, что же будет, когда ничего не будет?
И тогда мне приснилась крысиха, и я написал:
Новая Ильзебилль выходит на сушу крысой.

Когда «Дору», стальной эверс* с деревянной палубой, заказали в октябре девяносто девятого судостроителю Густаву Юнге и в марте 1900 года спустили на воду на Вевельсфлетской верфи, судовладелец Рихард Никельс не догадывался, какая участь предстоит его альстеровскому эверсу, спроектированному с расчетом на граскеллеровский шлюз в Гамбурге, тем более что новый век, громко объявленный и неуклюжий, вышел на свет с набитыми карманами, словно хотел купить себе весь мир.

Судно было восемнадцать метров в длину и четыре целых и семь десятых — в ширину. Тоннаж «Доры» составлял тридцать восемь целых и пять десятых брутто-регистрационных тонн, грузоподъемность исчислялась семьюдесятью тоннами, но заявлялись шестьдесят пять. Баржа, пригодная для перевозки зерна и скота, строительных лесоматериалов и кирпичей.

Капитан Никельс ходил с грузом не только по Эльбе, Стёру и Осте, но также плавал через немецкие и датские порты вплоть до Ютландии и Померании. При хорошем ветре его баржа шла со скоростью четыре узла.

В 1912 году «Дора» была продана капитану Иоганну Генриху Юнгклаусу, который провел эверс, не повредив его, через Первую мировую войну и в двадцать восьмом году,

* Тип плоскодонного парусного судна, традиционно использовавшегося в прибрежных районах Северной Германии и Нидерландов, особенно в устьях рек и на мелководье. Применялся для перевозки грузов, рыболовства и других хозяйственных нужд.

во времена рентной марки*, установил на нем калоризаторный двигатель мощностью восемнадцать лошадиных сил. Теперь Краутсанд, а не Вевельсфлет, значился на корме как порт приписки: белыми буквами на черном фоне. Все изменилось, когда Юнгклаус продал свой грузовой эверс капитану Паулю Зенцу из Каммина на Дивенове, небольшого городка в Померании, который сегодня называется Камень.

Там «Дора» привлекала внимание. Померанские моряки каботажного плавания пренебрежительно называли плоскодонное судно, когда оно проплывало через Грайфсвальдер-Бодден, бокоходом. По-прежнему в качестве груза зерно, поздняя капуста для зимнего хранения, скот на убой, а также строительные лесоматериалы, кирпичи, голландская черепица, цемент; до Второй мировой войны многое было построено: казармы, барачные лагеря. Но владельца «Доры» теперь звали Отто Штёвасе, а портом приписки на корме значился Волин; так называется город и остров, который расположен у побережья Померании, как и остров Узедом.

Когда с января по май сорок пятого года большие и малые суда, перегруженные штатскими и солдатами, курсировали по Балтийскому морю — однако не все корабли добирались до портов Любека, Киля, Копенгагена, спасительного Запада, — «Дора» также незадолго до того, как советская 2-я ударная армия пробилась к Балтийскому морю, перевозила беженцев из Данцига (Западной Пруссии), чтобы доставить их в Штральзунд. Это было тогда, когда затонул «Густлофф». Это было тогда, когда в бухте у Нойштадта сгорел «Кап Аркона». Это было тогда, когда повсюду, даже у нейтрального побережья Швеции, волны приносили

* Рентная марка (нем. Rentenmark) — временная валюта, введенная в Германии 15 октября 1923 г. для прекращения гиперинфляции. Ее ценность обеспечивалась ипотекой на сельскохозяйственные и промышленные земли, а не золотым запасом. В 1924 г. была заменена рейхсмаркой, но продолжала использоваться до 1948 г.

неисчислимо количество трупов; все выжившие верили, что спаслись, и потому прозвали конец, как будто прежде ничего не происходило, нулевым часом.

Десять лет спустя, когда повсюду воцарился вооруженный мир, новым владельцем по-прежнему длинного и широкого эверса, оснащенного дизельным двигателем Brons мощностью тридцать шесть лошадиных сил, стала фирма Koldewitz с острова Рюген, сменившая название «Дора» на «Ильзебилль», вероятно, с намеком на нижненемецкую сказку, текст которой был записан дословно, когда сказки собирали по всей Германии, в том числе и на острове Рюген.

Названная в честь жены рыбака, которая требовала от гонимого палтуса все больше и больше, пока в конце концов не изъявила желание стать Богом, «Ильзебилль» еще долго служила грузовым судном в Боддене, в Пенемюнде и Ахтервассере, пока в конце шестидесятых годов, в течение которых все еще царил вооруженный мир, ее не захотели разобрать на лом и затопить в порту Варте у Узедома в качестве основания волнореза. Стальной корпус, на корме которого как порт приписки в последний раз значился город Вольгаст, должен был быть затоплен.

Этого не произошло, потому что на богатом Западе, которому проигранная война принесла удачу, нашлась покупательница, происходившая из Грайфсвальда, которая окольными путями перебралась в Любек, но по-прежнему оставалась заикленной на барахле из Передней Померании, родом из Рюгена, из Узедома или, как эверс со стальной мачтой и деревянным полом, очутившемся здесь; на самом деле она искала одну из ставших редкими померанских рыбацких лодок.

В конце длительных переговоров покупательница, благодаря своему происхождению привыкшая проявлять настойчивость, выиграла торги, поскольку последний судовладелец, Германская Демократическая Республика, была жадной

до твердых западных денег; перегон грузового судна обошелся дороже, чем его покупка.

Долгое время «Дора», сменившая имя на «Ильзебилль», простояла в Травемюнде. Черные — корпус и грот-мачта, синевелые — рулевая рубка и остальные надстройки. В длинные выходные и во время отпуска новая владелица судна, которую я буду называть Дамрока, потому что она дорога мне, чистила, ремонтировала и красила свой корабль, пока, хотя по профессии она органистка и с юности посвятила руки и ноги служению Богу и Баху, в конце семидесятых не получила лицензию на управление судном и патент на каботажное плавание. Оставив позади орган, церковь и священников, она освободилась от музыкальной барщины и отныне будет зваться капитаншей Дамрокой, пускай даже она больше жила на своем корабле, чем плавала на нем: задумчиво стояла без дела на палубе, словно приросшая к ней, со своим вечно полупустым кофейником.

Лишь в начале восьмидесятых Дамрока придумала план, который, после пробных плаваний в Любекскую бухту и Данию, должен был осуществиться в конце мая этого года, года Крысы по китайскому календарю.

Построенный в 1900 году бизань-эверс, несколько раз менявший владельцев и порты приписки, лишился бизань-мачты, но после последней реконструкции приобрел мощный дизельный двигатель; корабль, который отныне отзывается на имя «Новая Ильзебилль», как будто он должен осуществить какую-то программу, и вскоре будет укомплектован экипажем из женщин, был переоборудован в порту Травемюнде из грузового эверса в исследовательское судно. В его носовой части узкое спальное помещение для женского экипажа отгорожено дощатой перегородкой. В самом носу выгородили шкаф для вещмешков, книг, принадлежностей для вязания и мелочей первой помощи. В середине корабля грузовой отсек с длинным рабочим столом в будущем

должен служить для исследований. Над машинным отделением с новым двигателем мощностью сто восемьдесят лошадиных сил рулевая рубка — деревянная беседка с окнами во все стороны — была расширена к корме и теперь включает в себя небольшую кухню: скорее каморка, нежели камбуз.

Пять женщин — перенаселенность: на борту тесно и не так уж уютно. Все целесообразно: стол для исследований также должен быть и обеденным. «Новая Ильзебилль» будет курсировать по прибрежным водам Западной Германии, Дании, Швеции и — если будет получено разрешение — ГДР. Задача поставлена: выборочно измерить плотность распределения медуз в западной части Балтийского моря, поскольку медузофикация Балтийского моря увеличивается не только статистически. Купальный туризм страдает. Кроме того, ушастые аурелии, живущие за счет поедания планктона и мальков сельди, наносят ущерб рыболовству. Поэтому Институт морских исследований со штаб-квартирой в Киле заключил договор на выполнение научно-исследовательской работы. Конечно, средств, как всегда, в обрез. Конечно, нужно исследовать не причину медузофикации, а лишь колебание популяции. Конечно, уже сейчас известно, что результаты обследований будут скверными.

Это говорят женщины на борту корабля, все они могут быть смешливыми, насмешливыми, острыми на язык и в случае крайней необходимости язвительно-едкими; они уже не первой юности, с волосами, тронутыми сединой. Сразу по отправлении — волнорез по левому борту, заполненный машущими туристами, — носовая волна разделяет густое облако медуз, которое, взбалтываемое, вновь смыкается за кормой.

Для этого плавания пять женщин, как я того желал, прошли обучение. Они умеют завязывать узлы и ставить паруса. Им легко дается крепление троса на утке, укладывание троса

в бухту. Они могут читать разметку фарватера более или менее хорошо. Они держат курс как заправские моряки. Капитанша Дамрока вставила свой патент в рамку под стекло и повесила в рулевой рубке. Никаких других картинок, которые можно было бы счесть украшательством, вместо этого — новый эхолот Atlas в придачу к старому компасу и метеорологическим приборам.

Хотя известно, что Балтийское море заросло водорослями, как сорняками, покрылось старческими водорослевыми бородами, перенаселено медузами, кроме того, в воде содержится ртуть, свинец и что там еще, необходимо исследовать, где их больше или меньше, где их пока еще нет, где оно особенно сильно заросло сорняками, поросло бородами, перенаселилось, несмотря на все вредные вещества, результат действия которых проявился где-то в другом месте. Поэтому исследовательское судно было оснащено измерительными приборами, один из которых называется «измерительная акула» и шутливо зовется «счетчиком медуз». Кроме того, необходимо измерить, взвесить, определить наличие планктона и мальков сельди, а также всего остального, чем питается медуза. Одна из женщин обучалась океанографии. Она знает все устаревшие данные измерений и биомассу западной части Балтийского моря с точностью до того, что следует после запятой. На этих страницах отныне она будет зваться океанографшей. При слабом северо-западном ветре исследовательский эверс ложится на курс. Спокойные, как море, и уверенные в своих знаниях женщины занимаются своим морским делом. Постепенно, потому что я так хочу, они привыкают называть друг друга по роду деятельности и кричат: «Эй, машинистша!» или «Куда делась океанографша?» Лишь самую старшую из женщин я прозвал не кокшей, а старухой, хотя она и занимается готовкой.

Пока еще нет необходимости выпускать измерительную акулу. Остается время для историй. В трех милях от морских курортов гольштейнского побережья капитанша рассказывает штурманше о древних временах, когда в течение семнадцати лет она была верна своему приходу и пережила, одного за другим, одиннадцать священников. Например, проповедь первого — «Это был такой чудак, родом из Саксонии», — которая всегда была слишком длинной, она прерывала хоралом «Довольно». Но поскольку штурманша улыбалась лишь внутренне и по своей сути оставалась унылой, Дамрока сокращает эту историю и позволяет первому из своих одиннадцати священников почтить после внезапного падения с хоров, где стоял орган: «Тогда их стало только десять...»

Нет, говорит крысиха, которая мне снится, мы по горло сыты такими небылицами. Это было когда-то и было давным-давно. Все, что написано черным по белому. Испражнения ума и церковная латынь. Наш брат от этого толстый, прогрызся к учености. Эти покрытые пятнами плесени пергаменты, обернутые в кожу фолианты, нашпигованные листками собрания сочинений и слишком умные энциклопедии. От Д'Аламбера до Дидро нам известно все: святая эпоха Просвещения и последовавшее за ней отвращение к познанию. Все выделения человеческого разума.

Еще раньше, уже во времена Августина, мы были обкормлены. От Санкт-Галлена до Упсалы: любая монастырская библиотека делала нас более осведомленными. Что бы ни означали слова «библиотечная крыса», мы начитанны, в голодные времена откормились цитатами, мы знаем всю художественную и научную литературу, мы накормлены вволю досократиками и софистами. Сыты схоластами! Их сложные предложения с придаточными, которые мы сокращали и сокращали, всегда хорошо нами усваивались. Примечания, какой лакомый гарнир! Для нас, просвещенных

изначала, труды и трактаты, экскурсии и тезисы были всезнайски развлекательны.

Ах, ваш мыслительный пот и поток чернил! Сколько бумаги было зачернено, чтобы поспособствовать воспитанию человеческого рода. Памфлеты и манифесты. Слова напложены, а слоги выкусаны. Стихотворные стопы посчитаны, а смыслы истолкованы. Так много всезнайства. Для людей не существовало ничего однозначного. Каждому слову противопоставлено семь. Их споры, круглая ли земля и действительно ли хлеб — тело Господне, звучавшие с каждой церковной кафедрой. Особенно мы любили их богословские распри. Библию в самом деле можно было читать по-разному.

И крысиха, которая ничего не хотела слышать о Дамроке и ее священниках, рассказала, что запомнилось ей со времен религиозной чрезмерности, до Лютера и после него: перебранки монахов, ссоры теологов. И всегда дело было в истинном слове. Конечно, вскоре вновь зашла речь о Ное; она протолкнула в мой сон трехъярусный ковчег, какой требовал Бог.

Да! кричала она, он должен был принять нас на свою посудину из пихтового дерева. В Бытии ничего не было написано о: Крысы прочь! Даже змёю, о котором написано, что он *проклят пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми*, было позволено войти в деревянную посудину парой — змеем и змеей. Почему не нам? Это было жульничество! Мы протестовали, снова и снова.

После этого я должен был рассматривать в сновидчески-праведных расплывчатых образах, как Ной повелел ввести семь пар скота чистого и одну пару из скота нечистого по трапу на многоярусный ковчег. Словно директор цирка, он наслаждался своим зверинцем. Ни один вид не пропал. Все топало, шло рысью, скакало, семенило, шныряло, ползало, порхало, кралось, извивалось, не забыты дождевой червь и его червиха. Попарно нашли прибежище: верблюд и слон, тигр и газель, аист и сова, муравей и улитка. А после

пар собак и кошек, лис и медведей — множество грызунов: соня-полчок и мыши, разумеется, лесные, полевые, песчанки и тушканчики. Но всякий раз, когда крыс и крысиха хотели стать в ряд, чтобы тоже искать убежища, звучало: Прочь! Убирайтесь отсюда! Воспрещено!

Это кричал не Ной. Тот под воротами посудыны, безмолвно скривившись, вел список явившихся: глиняные таблички, на которых он высекал символы. Это кричали его сыновья Сим, Хам и Иафет, трое здоровяков, которым позже, согласно указанию свыше, было наказано: *плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...* Они кричали: Убирайтесь! Или: Крысам вход воспрещен! Они поступали согласно слову отца. Жалко было смотреть на библейскую пару крыс, которых выковыривали палками из спутанной шерсти длинношерстных овец, из-под брюха бегемота, сгоняли с трапа побоями. Высмеянные обезьянами и свиньями, они наконец сдались.

И если бы, сказала крысиха, пока ковчег на глазах заполнялся, рука Бога не подняла нас, нет, еще точнее: если бы мы не зарылись, битком набив наши глубокие ходы и превратив гнездовые камеры в спасительные пузыри воздуха, — нас бы сегодня не существовало. Не нашлось бы никого достойного упоминания, кому удалось бы пережить человеческий род.

Мы всегда были тут. Во всяком случае, мы существовали под конец мелового периода, когда никаким человеком еще не пахло. Это было, когда здесь и в других местах динозавры и подобные им монстры обгладывали хвощовые и папоротниковые леса. Глупые хладнокровные животные, откладывавшие до смешного крупные яйца, из которых вылуплялись новые безобразные монстры и вырастали гигантскими, пока нам не надоел этот гигантизм природы и мы — меньшие, чем в наши дни, сравнимые разве что с галапагосской крысой — не разгрызли их огромные яйца. Тупые и окочевевшие в ночном холоде ящеры стояли там беспомощные,

не способные к самозащите. Они, капризы природы, которая часто пребывает в дурном настроении, должны были смотреть из сравнительно небольших, полузабытых при акте сотворения мира голов, как мы, теплокровные с начала времен, мы, первые живородящие млекопитающие, мы, с непрерывно растущими зубами, мы, подвижные крысы, грызли до дыр их огромные яйца, столь твердая и толстая скорлупа которых стремилась удержать содержимое. Только-только отложенные, еще не высиженные, их благодатные яйца должны были мириться с дыркой за дыркой, чтобы их содержимое, вытекая, делало нас радостными и сытыми.

Бедные динозавры! насмехалась крысиха, обнажая свои непрерывно растущие резцы. Она перечисляла: брахиозавр и диплодок, два монстра весом до восьмидесяти тонн, чешуйчатые зауроподы и бронированные тероподы, к которым принадлежал тираннозавр, хищный монстр длиной пятнадцать метров, птиценогие ящеры и рогатые торозавры; чудовища, которые предстали передо мной во сне словно наяву. Вместе с ними амфибии и летающие ящеры.

Господи, закричал я, одно чудовище сквернее другого!

Крысиха сказала: Их конец был близок. Потеряв свои гигантские яйца и лишившись будущих малышей-монстров, динозавры поплелись в болота, чтобы безропотно и внешне неповрежденными завязнуть в них. Поэтому позже человек в своем неутомимом разведывательном любопытстве нашел их столь аккуратно сложенные друг подле друга скелеты, после чего построил просторные музеи. Соединенные кость к кости, ящеры были выставлены на всеобщее обозрение, каждый экземпляр заполнял целый зал. Хотя нашли также достопримечательные гигантские яйца с отметинами наших зубов на скорлупе, однако никто, ни один исследователь позднего мелового периода, ни один первосвященник эволюционной теории не захотел подтвердить наше достижение. Говорилось, что динозавры вымерли

по не выясненным до сих пор причинам. Многослойная скорлупа яиц, внезапная климатическая катастрофа и бури с проливными дождями стали предполагаемыми причинами вымирания монстров; нам, роду крыс, никто не захотел ставить это в заслугу.

Так сетовала крысиха, которая мне снится, после того как она несколько раз кусаче-яростно продемонстрировала треск гигантских яиц. Если бы не мы, эти уродливые существа все еще существовали бы! кричала она. Мы освободили место для новой, уже не чудовищной жизни. Благодаря нашему грызущему усердию смогли развиваться последующие теплокровные млекопитающие, в том числе ранние формы более поздних домашних животных. Не только лошади, собаки и свиньи, но и человек ведет свое происхождение от нас, первых млекопитающих; за это он отплатил нам черной неблагодарностью, начиная со времен Ноя, когда крыса и крысиху не допустили на его посудину...

Нужно кого-то поприветствовать. Человек, который представляется старым знакомым, утверждает, что он все еще существует. Он хочет вернуться. Хорошо, пусть.

У нашего господина Мацерата за плечами многое, а вскоре также и его шестидесятый день рождения. Даже если мы оставим без внимания процесс и принудительное содержание в лечебнице, да к тому же непомерную вину, после освобождения на горб Оскара взгромоздилось немало забот: взлеты и падения при медленно растущем благосостоянии. Сколько бы внимания ни получали его ранние годы, его старение протекало незаметно и научило его расценивать потери как небольшую выгоду. В постоянных семейных ссорах — всегда дело было в Марии, но особенно в его сыне Курте — сумма прошедших лет сделала из него обыкновенного налогоплательщика и свободного предпринимателя, заметно постаревшего.

Так он был предан забвению, хотя мы подозревали, что он все еще должен существовать: живет где-то, уединившись. Нужно было бы ему позвонить — «Привет, Оскар!» — и он был бы уже здесь: словоохотливый, поскольку ничто не говорит в пользу его смерти.

Во всяком случае, я не позволил нашему господину Мацерату скончаться, однако больше ничего особенного мне на ум не пришло. С момента его тридцатилетия о нем не было никаких вестей. Он уклонился. Или это я его заблокировал?

Совсем недавно, когда я хотел, не имея дальнейших намерений, спуститься по лестнице в погреб к сморщившимся зимним яблокам, а мыслями был прикован разве что к моей рождественской крысе, мы встретились как бы на более высоком уровне: он стоял там и не стоял там, он притворился, что существует, и внезапно отбросил тень. Он хотел стать замеченным, распрошенным. И я уже замечаю его: что так внезапно делает его вновь примечательным? Пришло ли опять время для него?

С тех пор как в календаре был отмечен сто седьмой день рождения его бабушки Анны Коляйчек, о нашем господине Мацерате спрашивали сперва вполголоса. Пригласительная открытка нашла его. Он должен быть среди гостей, как только начнется торжество по-кашубски. Его позвали уже не в Биссау, где поля были забетонированы под взлетно-посадочные полосы, а в Маттерн, деревню, которая расположена неподалеку. Хочется ли ему путешествовать? Следует ли ему попросить Марию и Куртхена сопровождать его? Может ли быть так, что мысль о возвращении страшит нашего Оскара?

А как обстоит дело с его здоровьем? Как в наши дни одевается горбатый человечек? Следует ли, можно ли вернуть его к жизни?

Как я предусмотрительно удостоверился, крысиха, которая мне снится, не возражала против воскресения нашего